

К политическим деятелям

Самая губительная ошибка, которая когда-либо сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной.

Шелли.

В обращении моем к рабочему народу я высказал мысль о том, что для того, чтобы рабочим избавиться от своего угнетения, им нужно самим перестать жить так, как они живут теперь, борясь с ближними для своего личного блага, а жить по евангельскому правилу — «поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобою».

Это предлагаемое мною средство вызвало, как я и ожидал, одно и то же суждение, или скорее осуждение от людей самых противоположных направлений.

«Утопия, непрактично. Дожидаться для избавления людей, страдающих от угнетения и насилия, чтобы они все сделались добродетельными, значит, признавая существующее зло, обречь себя на бездействие».

И вот мне захотелось сказать еще несколько слов о том, почему я считаю, что мысль эта не так непрактична, как это кажется, а, напротив, заслуживает того, чтобы на нее было обращено более внимания, чем на все другие предлагаемые учеными людьми средства для улучшения общественного устройства, сказать это тем людям, которые искренно, не на словах, а на деле желают служить ближнему.

К этим-то людям я и обращаюсь теперь.

I

Руководящие деятельностью людей идеалы общественной жизни изменяются, и с изменением их изменяется и склад жизни людей. Было время, когда идеалом общественной жизни была полная животная свобода, при которой по мере своей силы одни люди в прямом и переносном смысле пожирали других. Потом наступило время, когда общественным идеалом стало могущество одного, и люди обоготворяли властителей и не только охотно, но восторженно покорялись им — Египет, Рим. «Morituri te salutant»[38]. Потом признан был людьми идеал такого устройства жизни, при котором власть признавалась уже не сама для себя, а для упорядочения жизни людей. Попытками осуществления такого идеала были одно время всемирная монархия, потом всемирная церковь, соединяющая различные государства и руководящая ими, потом выступил идеал представительства, потом республики со всеобщей или без всеобщей подачи голосов. Теперь считают, что идеал этот

может быть осуществлен посредством такого экономического устройства, при котором все орудия труда перестанут быть частною собственностью, а будут достоянием всего народа.

Как ни различны все эти идеалы, для проведения их в жизнь всегда предполагалась власть, т. е. принудительная сила, заставляющая людей исполнять установленные законы. То же предполагается и теперь.

Предполагается, что осуществление наибольшего блага всех достигается тем, что одни люди (по китайскому учению самые добродетельные, по европейскому учению помазанники или избранники народа), получив власть, устанавливают и поддерживают такие порядки, при которых достигается наибольшая возможная обеспеченность граждан от взаимных посягательств на труд, свободу и жизнь друг друга. Не только люди, признающие государственное устройство необходимым условием жизни человеческой, но и революционеры и социалисты, хотя считающие существующее государственное устройство подлежащим изменению, признают все-таки власть, т. е. право и возможность одних людей принуждать других исполнять установленные законы, необходимым условием благоустройства общества.

Так это велось с давних времен, ведется и до сих пор. Но люди, принужденные силою подчиняться известным порядкам, не всегда считали эти порядки наилучшими и потому часто возмущались против властвующих, свергали их и устанавливали на место прежних свои новые порядки, которые, по их мнению, обеспечивали большее благо людей. Но так как люди, обладавшие властью, всегда развращались этим обладанием и потому пользовались властью не столько для блага общего, сколько для своего личного, то всегда новая власть была такая же, как и прежняя, и часто еще более несправедливая.

Так это было, когда восстававшие против существующей власти одолевали ее. Когда же победа оставалась на стороне существующей, то восторжествовавшая власть для ограждения себя всегда усиливала средства своей обороны и становилась еще более стесняющей свободу своих граждан.

Так это было всегда и в древности, и в новое время, и так это с особенной поучительностью происходило в нашем европейском мире в продолжение всего XIX столетия. В первой половине этого века революции были большей частью успешны, но новые власти, заменявшие старые: Наполеон I, Карл X, Наполеон III, не увеличили свободу граждан. Во второй же половине, после 1848 года, все попытки революции подавлялись правительствами, но вследствие прежних революций и попыток новых правительства, обороняя себя всё более и более, благодаря техническим изобретениям прошлого столетия, давшим людям не существовавшую прежде власть людей над природою и друг над другом, усиливали свою власть и довели ее к концу прошлого века до такой степени, что борьба с ними народа стала невозможною. Правительства захватили в свои руки не только огромные богатства, собираемые ими с народа, не только дисциплинированное, искусно набираемое войско, но и все духовные средства воздействия на массы: руководство прессой, религиозным направлением и, главное, воспитанием. И средства эти так организованы и так могущественны, что с 1848 года не было уже в Европе ни одной успешной попытки революции.

II

Явление это совершенно новое и свойственное только нашему времени. Как ни могущественны были Нерон, Чингисхан, Карл Великий, они не могли подавлять восстание на краях их владений, а тем более не могли руководить духовной деятельностью своих подданных: их образованием, воспитанием, религиозным направлением. Теперь же все средства для этого в руках правительств.

Не один парижский макадам, заменивший булыжник мостовых, сделал невозможными баррикады во время революций в Париже, такие макадамы в продолжение последней половины 19-го столетия проявились во всех отраслях государственного управления. Тайная полиция, шпионство, подкупы прессы, железные дороги, телеграфы, телефоны, фотографии, тюрьмы, крепости, огромные богатства, воспитание молодых поколений и, главное, войско в руках правительств.

И всё так организовано, что самые бездарные, глупые правители почти рефлексивно, из чувства самосохранения, никогда не допустят серьезных подготовлений к восстанию и всегда без всякого усилия подавят те слабые попытки открытого восстания, которые изредка еще делают отсталые от времени революционеры, только усиливая этими попытками власть правительств.

Единственное средство теперь одоления правительства представляется в том, что войско, составленное из людей народа, поняв несправедливость, жестокость и вред для себя правительства, перестанет поддерживать его. Но и в этом отношении правительства, понимая, что главная сила их в войске, так организовали его комплектование и дисциплину, что никакая пропаганда в народе не может вырвать войско из рук правительства. Ни один человек, находящийся в войске и подвергшийся той гипнотизирующей муштровке, которая называется дисциплиной, несмотря ни на какие политические убеждения, находясь в строю, не может не повиноваться команде, так же, как не может не мигнуть глаз, на который направят удар. Двадцати же летние мальчики, которые набираются на службу и воспитаны в ложном, церковном или материалистическом и притом патриотическом духе, не могут отказаться от службы, как не могут не повиноваться дети, когда их посылают в школу. Поступив же на службу, эти юноши, каких бы они ни были убеждений, благодаря веками выработанной искусной дисциплине, в один год переделываются неизбежно в покорные орудия власти. Если и встречаются редкие случаи — один на десять тысяч, отказов от военной службы, то это делают только так называемые сектанты, поступающие так из религиозных, не признаваемых правительствами, убеждений. Так что в наше время в европейском мире, если только правительство желает удержать свою власть (а оно не может не желать этого, потому что уничтожение власти влечет за собой погибель правителей), никакое серьезное восстание не может organizоваться, а если и организуется что-нибудь подобное, то оно всегда будет подавлено и не будет иметь никаких других последствий, кроме погибели многих легкомысленных людей и усиления власти правительства. Этого могут не видеть революционеры, социалисты, руководимые отсталыми преданиями и увлеченные борьбой, ставшей для некоторых определенной профессией, но не могут не видеть все люди, свободно смотрящие на исторические события.

Явление это совершенно новое, и потому и деятельность людей, желающих изменить существующий строй, должна сообразоваться с этим новым в европейском мире положением существующей власти.

Шедшая в продолжение долгих веков борьба между властью и народом сначала приводила к замене одной власти другою и этой другою еще третьею и т. д. С половины же прошлого века в нашем европейском мире власть существующих правительств, благодаря техническим усовершенствованиям нашего времени, обставилась такой защитой, что борьба с нею силой стала невозможною. И по мере того, как власть достигала всё большей и большей степени силы, она всё более и более обнаруживала свою несостоятельность: всё более и более становилось очевидным внутреннее противоречие, заключающееся в понятии благодетельной власти, и насилия, составляющего сущность всякой власти; становилось очевидным, что власть, для того, чтобы быть благодетельной, долженствующая быть в руках самых лучших людей, находилась всегда в руках худших людей, так как лучшие люди по самому свойству власти, состоящему в употреблении насилия над ближним, не могли желать власти и потому никогда не приобретали и не удерживали ее.

Противоречие это так очевидно, что, казалось бы, все люди всегда должны были видеть его. А между тем торжественная обстановка власти, страх, возбуждаемый ею, и инерция предания были так могущественны, что прошли века, тысячелетия, прежде чем люди поняли свое заблуждение. Только в последнее время стали люди понимать, несмотря на всю ту торжественность, которой всегда облакает себя власть, что сущность ее состоит в том, чтобы угрожать людям лишением собственности, свободы, жизни, и приводить эти угрозы в исполнение, и что поэтому люди, которые, как короли, императоры, министры, судьи и другие, посвящают свою жизнь этим делам без всякого другого повода, кроме желания удержать свое выгодное положение, не только не бывают лучшими, но всегда худшими людьми, а будучи таковыми, не могут своею властью содействовать благу людей, а, напротив, всегда составляли и составляют одну из главных причин общественных бедствий человечества. И потому власть, прежде вызывавшая в народе восторг и преданность, теперь в большей и лучшей части людей вызывает не только равнодушие, но часто презрение и ненависть. Эта более просвещенная часть людей понимает теперь, что вся та торжественная обстановка, которою окружает себя власть, есть ничто иное, как красная рубашка и плисовые штаны палача, выделяющие его от других острожников за то, что он берет на себя самое безнравственное и отвратительное дело: казнить людей.

Сознавая же такое, всё более и более распространяющееся в народе, отношение к себе, власть в наше время уже не опирается на духовные начала: помазанничество, избрание народа или святых людей, а держится одним насилием. Держась же на одном насилии, власть вследствие этого еще более теряет доверие народа. Теряя же доверие, она вынуждена прибегать к всё большему и большему захвату всех проявлений народной жизни и вследствие этого захвата вызывает еще большее недовольство собою.

IV

Власть стала несокрушима и держится уже не духовными разумными основами помазания, избрания, представительства, а держится одною силою. И вместе с этим народ перестает верить во власть и уважать ее и покоряется ей только потому, что нельзя иначе.

И вот с половины прошедшего столетия, с того самого времени, как власть в одно и то же время стала несокрушима и потеряла свое оправдание и свой престиж в народе, начинает среди людей проявляться учение о том, что свобода — не та фантастическая свобода, которую проповедают сторонники насилия, утверждая, что человек, под страхом наказания обязанный исполнять распоряжения других людей, свободен, а та единая и истинная свобода, которая состоит в том, что каждый человек может жить и поступать по собственному рассуждению, платить или не платить подати, идти или не идти на службу, дружить или враждовать с соседним народом, что такая настоящая свобода несовместима с какою-либо властью одних людей над другими.

По учению этому власть не есть, как это думали прежде, нечто божественное и величественное, не есть также необходимое условие общественной жизни, а есть только последствие грубого насилия одних людей над другими. Будет ли власть в руках Людовика XVI или комитета общественного спасения, директории или консульства, Наполеона или Людовика XVIII, султана, президента, богдыхана или первого министра, везде, где будет власть одних людей над другими, не будет свободы, а будет угнетение одних людей другими. И потому власть должна быть уничтожена.

Но как уничтожить ее? И как, уничтожив власть, устроить так, чтобы без власти люди не вернулись к дикому состоянию грубого насилия друг над другом?

Все анархисты, как называются проповедники этого учения, совершенно согласно между собой отвечают на первый вопрос тем, что власть, для того, чтобы быть действительно уничтожена, должна быть уничтожена не силою, а сознанием людей бесполезности и вреда власти. На второй же вопрос: как должно быть устроено общество без власти? анархисты отвечают различно.

Англичанин Годвин, живший в конце XVIII и начале XIX века, и француз Прудон, писавший в половине прошлого века, на первый вопрос отвечают тем, что для уничтожения власти достаточно сознание людей о том, что общее благо (Годвин) и справедливость (Прудон) нарушаются властью, и что если распространить в народе убеждение о том, что общее благо и справедливость могут быть осуществлены только при отсутствии власти, то власть сама собою уничтожится.

На второй же вопрос: каким образом обеспечится без власти благоустройство общества, и Годвин и Прудон отвечают тем, что люди, руководимые сознанием — общего блага — по Годвину и справедливостью — по Прудону, естественно найдут наиболее разумные, справедливые и выгодные для всех формы жизни.

Другие же анархисты, как Бакунин и Кропоткин, хотя и признают также средством уничтожения власти сознание масс в вреде ее и в несоответствии ее с прогрессом человечества, считают однако возможной и даже нужной революцию, к которой советуют подготавливать людей. На второй же вопрос отвечают тем, что как скоро будет уничтожено государственное устройство и собственность, то люди естественно сложатся в разумные, свободные и выгодные для всех условия жизни.

Почти так же, как и другие, отвечают на вопрос об средствах уничтожения власти немец Макс Штирнер и американский писатель Тёккер. Оба они полагают, что если бы люди понимали, что личный интерес каждого человека служит совершенно достаточным и законным руководителем поступков людей и что власть только препятствует проявлению в должной мере этого руководящего начала жизни людей, то власть сама собою уничтожилась бы и вследствие неповиновения, и, главное, как говорит Тёккер, вследствие неучастия в ней. Ответ же их на второй вопрос состоит в том, что люди, освобожденные от суеверия и необходимости власти, следуя только личному интересу, сами собою сложатся в наиболее правильные и выгодные для каждого общественные формы жизни.

Все эти учения совершенно правы в том, что если власть должна быть уничтожена, то совершиться это может никак не силою, так как власть, уничтожившая власть, останется властью, но совершиться это может только уяснением сознания людей о том, что власть бесполезна и вредна и люди не должны ни повиноваться ей, ни участвовать в ней. Истина эта неопровержима: власть может быть уничтожена только разумным сознанием людей. Но в чем должно состоять это сознание? Анархисты и полагают, что это сознание может быть основано на соображениях об общем благе, справедливости, прогрессе или личном интересе людей. Но, не говоря уже о том, что все эти основы несогласны между собой, самые определения того, в чем состоит общее благо, справедливость, прогресс или личный интерес, понимаются людьми бесконечно разнообразно. Поэтому невозможно предполагать, чтобы люди, несогласные между собой и различно понимающие те основы, во имя которых они противятся власти, могли бы уничтожить столь твердо установленную и искусно защищающую себя власть. Предположение же о том, что соображения об общем благе, справедливости или законе прогресса могут быть достаточны для того, чтобы люди, освободившиеся от власти, но не имеющие никакой причины для того, чтобы жертвовать своим личным благом благу общему, сложились бы в справедливые, не нарушающие взаимную свободу условия, еще более неосновательно. Теория же утилитарно-эгоистическая Макса Штирнера и Тёккера, утверждающих, что следование каждым своему личному интересу установит справедливые отношения между всеми, не только произвольно, но и совершенно противоположно тому, что происходило и происходит в действительности.

Так что, справедливо признавая единственным средством уничтожения власти духовное орудие, учение анархизма, держась нерелигиозного материалистического мировоззрения, не имеет этого духовного орудия и ограничивается предположениями и мечтаниями, дающими возможность защитникам насилия, благодаря неверности предлагаемых средств осуществления учения, отрицать истинные основы его.

Духовное же орудие это есть только одно, давно известное людям, всегда уничтожавшее власть и всегда дававшее людям, пользующимся этим орудием, полную, ничем неотъемлемую свободу. Орудие это есть только одно: такое религиозное понимание жизни, при котором человек считает свою земную жизнь только частичным проявлением всей жизни, связывает свою жизнь с бесконечной жизнью и, признавая свое высшее благо в исполнении законов этой бесконечной жизни, считает для себя исполнение этих законов более обязательным, чем исполнение каких бы то ни было человеческих законов.

Только такое религиозное мировоззрение, соединяя всех людей в одинаковом понимании жизни, несовместимом с подчинением власти и участием в ней, действительно уничтожает власть.

И только такое мировоззрение даст возможность людям и без участия власти сложиться в разумные и справедливые формы жизни.

И удивительное дело, что только после того, как люди были приведены самою жизнью к убеждению о том, что существующая власть несокрушима и в наше время не может быть разрушена силою, они поняли ту, до смешного очевидную истину, что власть и всё зло, производимое ею, суть только последствия дурной жизни людей и что поэтому для уничтожения власти и зла, производимого ею, нужна добрая жизнь людей.

Люди начинают понимать это; теперь же им предстоит понять еще и то, что для доброй жизни людей есть только одно средство: исповедание и исполнение религиозного учения, свойственного и понятного большинству людей.

Только посредством исповедания и исполнения людьми такого религиозного учения люди могут достигнуть того идеала, который возник теперь в их сознании и к которому они стремятся. Всякие же другие попытки уничтожения власти и устройства без власти доброй жизни людей есть только напрасная трата сил и не приближает, а только удаляет людей от той цели, к которой они стремятся[39].

V

Вот это я и хотел сказать вам, искренним людям, которые, не довольствуясь эгоистической жизнью, желают отдать свои силы на служение братьям. Если вы принимаете участие или хотите принимать участие в государственной деятельности и этим путем служить народу, то подумайте о том, что такое всякое правительство, держащееся властью? Поставив же себе этот вопрос, вы не можете не видеть, что нет ни одного правительства, которое не совершало бы, не готовилось бы совершать, не опиралось бы на насилия, грабительство, убийства.

Мало известный американский писатель Торо в своем трактате о том, почему человек обязан не повиноваться правительству, рассказывает, как он отказался заплатить американскому правительству 1 доллар подати, объясняя свой отказ тем, что не хочет своим долларом участвовать в делах правительства, разрешающего рабство негров. Разве

не то же самое может и должен чувствовать по отношению своего правительства не говорю уже русский человек, но гражданин самого передового государства Америки с ее поступками на Кубе, Филиппинах, отношением к неграм, изгнанием китайцев, или Англии с ее опиумом и бурами, или Франции с ее ужасами милитаризма?

И потому искренний человек, желающий служить людям, если только он серьезно дал себе отчет в том, что такое всякое правительство, не может участвовать в нем иначе, как только на основании правила, что цель оправдывает средства.

Но такая деятельность всегда была вредна как тем, для кого она предпринималась, так и тем, кто отдавался ей.

Ведь дело очень просто. Вы хотите, подчиняясь правительству, пользуясь его законами, отвоевать у него бóльшую свободу и права народу. Но свобода и права народа в обратном отношении с властью правительства, вообще правящих классов. Чем больше будет свободы и прав у народа, тем меньше будет власти и выгоды от нее у правительств. Правительства знают это и, имея в руках власть, охотно допускают всякого рода либеральную болтовню и даже некоторые ничтожные либеральные меры, оправдывающие его власть, и тотчас же силою прекращают такие либеральные поползновения, которые угрожают не только выгодам правителей, но самому их существованию. Так что все ваши усилия через власть администрации или через парламенты служить народу приведут вас только к тому, что вы своей деятельностью усилите власть правящих классов и будете, смотря по степени вашей искренности, бессознательно или сознательно участвовать в ней. Так это для людей, желающих служить народу посредством существующих государственных учреждений.

Если же вы принадлежите к искренним людям, желающим служить народу революционно-социалистической деятельностью, то, не говоря уже о той ничтожной цели материального, никогда никого не удовлетворяющего благосостояния людей, к которой вы стремитесь, подумайте и о тех средствах, которые вы имеете для достижения ее. Средства эти, во 1-х, безнравственны, включая в себе ложь, обман, насилие, убийства; во 2-х, и главное, средства эти ни в каком случае не достигают цели. Сила и осторожность правительств, защищающих свое существование, так велики в наше время, что никакие хитрости, обманы и жестокости не только не свергнут, но не пошатнут их. Все попытки революций теперь только дают новые оправдания насилию правительств и увеличивают их могущество.

Но если и допустить невозможное, что революция в наше время увенчалась бы успехом, то, во 1-х, почему думать, что противно тому, что постоянно совершалось, власть, разрушившая власть, увеличила бы свободу людей и стала бы более благодетельной, чем та, которую она разрушила? Во 2-х, если бы было возможно противное здравому смыслу и опыту предположение, что власть, уничтожившая власть, дала бы свободу людям установить какие они считают наиболее полезные для себя условия жизни, то нет никакого основания думать, чтобы люди, живущие эгоистической жизнью, установили между собой условия лучшие, чем прежние.

Пускай королева дагомейцев издаст самую либеральную конституцию и даже осуществит свою власть то, по мнению социалистов, спасающее людей от всех их бедствий,

обобществление орудий труда, необходимо будет королеве и ее министрам и военачальникам иметь власть для того, чтобы исполнялась конституция и орудия труда не были бы захвачены в частные руки. А как скоро люди эти будут дагомейцы с их мировоззрением, то очевидно, что, хотя и в другой форме, но насилие одних дагомейцев над другими будет такое же, как и без конституции и без обобществления орудий труда. Прежде, чем осуществить социалистическое устройство, надо, чтобы дагомейцы потеряли вкус к кровавым жертвам. Точно то же нужно и для европейцев.

Для того, чтобы люди могли жить общею жизнью, не угнетая одних других, нужны не учреждения, поддерживаемые силою, а такое нравственное состояние людей, при котором люди по внутреннему убеждению, а не по принуждению, поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними. И такие люди есть. Они есть в религиозных христианских общинах людей в Америке, в России, в Канаде. Такие люди действительно, живя без законов, поддерживаемых силою, живут общею жизнью, не угнетая друг друга.

И потому разумная и свойственная нашему времени деятельность для людей нашего христианского общества есть только одна: исповедание и проповедание словом и делом последнего и высшего известного нам религиозного учения — учения христианского, не того христианского учения, которое, подчиняясь существующему строю жизни, требует от людей только исполнения внешних обрядов или довольствуется верой и проповедью в спасение искуплением, а того жизненного христианства, неизбежным условием которого есть не только неучастие в делах правительства, но неповиновение его требованиям, так как эти требования, от податей и таможен до судов и войска, все противны этому истинному христианству.

А если это так, то очевидно, что не на установление новых форм должна быть направлена деятельность людей, желающих служить ближнему, а на изменение и совершенствование свойств как своих, так и других людей.

Люди, поступающие противно этому, обыкновенно думают, что одновременно могут совершенствоваться и формы жизни, и свойства, и мировоззрение людей. Но, думая так, люди делают обычную ошибку, принимая следствия за причину, а причины за следствие или сопутствующее явление.

Изменение свойств и мировоззрений людей неизбежно влечет за собой изменение тех форм, в которых жили люди; изменение же форм жизни не только не содействует изменению свойств и мировоззрений людей, но более всего препятствует этому изменению, направляя на ложный путь внимание и деятельность людей. Изменять формы жизни, надеясь этим средством изменить свойства и мировоззрения людей, всё равно, что перекладывать на разные манеры сырые дрова в печи, рассчитывая на то, что есть такое расположение сырых дров, при котором они загорятся. Загорятся только сухие дрова независимо от того, как они сложены.

Заблуждение это так очевидно, что люди не могли бы поддаваться ему, если бы не было располагающей их к этому обману причины. Причина эта в том, что изменение свойств людей должно начинаться с самого себя и требует много борьбы и труда, изменение же

форм жизни других делается легко, без внутренней работы над самим собой и имеет вид очень важной, значительной деятельности.

Вот против этого-то заблуждения, источника величайшего зла, я и предостерегаю вас, людей, искренно желающих своею жизнью служить ближнему.

VI

«Но мы не можем спокойно жить, занимаясь исповеданием и проповеданием христианства, когда видим вокруг нас страдающих людей. Мы хотим деятельно служить им. Мы готовы отдать свои труды, даже свою жизнь для этого», говорят люди с более или менее искренним негодованием.

Но кто же сказал вам, ответил бы я этим людям, что вы призваны служить людям именно тем способом, который кажется вам самым полезным и действительным? Ведь то, что вы говорите, показывает только, что вами уже решено, что служить человечеству нельзя христианскою жизнью, а что настоящее служение есть только то служение политической деятельностью, которое привлекает вас.

Но ведь все политические деятели так же думали и все они враждебны между собою и потому уже наверно не все правы. Очень хорошо бы было, если бы каждый мог служить людям, как ему нравится, но ведь этого нет, а существует только одно средство служить людям и улучшать их положение. И единственное средство это состоит в исповедании и исполнении такого учения, из которого вытекает внутренняя работа совершенствования самого себя. Самосовершенствование же истинного христианина, всегда естественно живущего среди людей и не удаляющегося от них, состоит в установлении лучших, более и более любовных отношений между собой и другими людьми. Установление же любовных отношений между людьми не может не улучшать общего положения людей, хотя и форма этого улучшения остается неизвестной человеку.

Правда, что, служа правительственной деятельностью, парламентской или революционной, мы вперед определяем те результаты, которых хотим достигнуть, и при этом можем пользоваться всеми преимуществами приятной, роскошной жизни и приобрести блестящее положение, одобрение людей и великую славу. Если же и приходится иногда пострадать участвующим в такой деятельности, то это такая возможность страданий, которая, как и во всякой борьбе, выкупается возможностью успеха. В военной деятельности еще более возможны страдания и даже смерть, а между тем только самые мало нравственные и эгоистические люди избирают ее.

Религиозная же деятельность, во 1-х, не показывает нам тех результатов, которых она достигает, во 2-х, деятельность эта требует отречения от внешнего успеха и не только не доставляет блестящего положения и славы, но приводит людей к самому низкому в общественном смысле положению, подвергает их не только презрению и осуждению, но самым жестоким страданиям и смерти.

Так в наше время общей воинской повинности религиозная деятельность заставляет каждого человека, призываемого к служению убийству, понести все те наказания, которыми за отказ от службы наказывает правительство. И потому религиозная деятельность трудна, но зато она одна дает человеку сознание истинной свободы, уверенность в том, что он делает то, что должен делать.

И от этого деятельность эта одна истинно плодотворна, достигая, кроме своих высших целей, еще и попутно самым естественным и простым способом тех результатов, к которым такими искусственными путями стремятся общественные деятели.

Так что средство служения людям есть только одно единственное, состоящее в том, чтобы самому жить хорошою жизнью. И средство это не только не мечтательно, как думают те, которым оно не выгодно, но мечтательны все другие средства, которыми руководители масс увлекают их на ложный путь, сбивая их с единственного истинного.

VII

«Но если это и так, то когда же это будет?» говорят люди, желающие как можно скорее увидеть осуществление этого идеала.

Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы можно было сделать это очень скоро, сейчас же.

Было бы очень хорошо, если бы можно было скоро, сейчас возрастить лес. Но этого нельзя сделать, надо ждать, пока семена дадут ростки, потом листки, потом стебли и потом вырастут в деревья.

Можно натывать ветки, и на короткое время это будет похоже на лес, но это будет только подобие. То же самое и с скорым благоустройством общества людей. Можно устроить подобие благоустройства, как и делают это правительства, но подобия эти только отдалают возможность настоящего благоустройства. Они отдалают эту возможность, во 1-х, тем, что обманывают людей, показывая им видимость благоустройства там, где его нет, во 2-х, тем, что эти подобия благоустройства достигаются только властью, а власть развращает людей, как властвующих, так и подвластных, и потому делает менее возможным истинное благоустройство.

И потому попытки скорого осуществления идеала не только не содействуют, но более всего препятствуют его действительному осуществлению.

Так что решение вопроса о том, скоро или не скоро осуществится идеал человеческого без насилия благоустроенного общества зависит от того, скоро ли поймут искренно желающие добра народу руководители масс, что ничто столько не отдаляет людей от осуществления их идеала, как то, что они делают теперь: именно поддержание старых суеверий или отрицание всякой религии и направление деятельности народа на служение правительству, революции, социализму, террору.

Только бы поняли люди, искренно желающие служить ближнему, всю тщету предлагаемых государственниками и революционерами средств устроения блага людей, поняли бы, что

одно единственное средство избавления людей от их страданий в том, чтобы люди сами перестали жить эгоистичной, языческой жизнью, а начали жить жизнью общечеловеческой, христианской и не признавали, как теперь, возможным и законным пользоваться насилием над ближними и участвовать в нем для достижения своих личных целей, а, напротив, следовали бы в жизни основному и высшему религиозному закону поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой, и очень быстро разрушились бы те неразумные и жестокие формы жизни, в которых мы живем теперь, и сложились бы новые, свойственные новому сознанию людей.

Только подумать о том, какие огромные и прекрасные духовные силы тратятся теперь на служение отжившему свое время государству и защите его от революции, сколько тратится молодых, горячих сил на попытки революций, на невозможную борьбу с государством, сколько тратится на социалистические неосуществимые мечтания. И всё только затем, чтобы не только отдалить, но сделать невозможным осуществление того блага, к которому стремятся все люди. Что бы было, если бы все люди, так бесплодно и часто с вредом для ближнего тратящие свои силы, направили бы их все на то, что одно дает возможность доброй общественной жизни, — свое внутреннее совершенствование?

Сколько бы раз успели построить из нового, прочного матерьяла новый дом, если бы все те усилия, которые тратились и тратятся теперь на подпорки старого дома, употреблены были решительно и добросовестно на приготовление нового матерьяла и постройку нового дома, который, хотя очевидно и не мог бы быть в первое время так же роскошен и удобен для некоторых избранных, как был старый, был бы несомненно удобнее для жизни большинства и был бы несомненно прочнее и представлял бы полную возможность усовершенствований, нужных не для одних избранных, но и для всех людей.

Так что всё, что я сказал здесь, сводится к той самой простой, всем понятной и неопровержимой истине, что для того, чтобы была добрая жизнь между людьми, нужно, чтобы люди были добрые.

Средство же воздействия на добрую жизнь людей есть только одно: своя добрая жизнь. А потому и деятельность людей, желающих содействовать установлению доброй жизни людей, может и должна быть только в внутреннем совершенствовании — в исполнении того, что выражено в Евангелии словами: «будьте совершенны, как отец ваш небесный».

История писания и печатания

Статья «К политическим деятелям» была задумана Толстым как послесловие к статье «К рабочему народу». Толстой начал писать это послесловие в конце января или в начале февраля 1903 г. В Дневнике 5 февраля 1903 г. (после месячного промежутка) записано: «Еще начал писать послесловие к Рабочему народу, но не подвигаюсь».[2677] 12 февраля записано: «Послесловие всё не годится».[2678] 19 февраля Толстой получил брошюру В. А. Поссе «Граф Л. Н. Толстой и рабочий народ» (Женева 1903), написанную по поводу статьи «К рабочему народу» и содержащую в себе опровержение взглядов Толстого. 20 февраля

Толстой записал в Дневнике: «Вчера получил статью Поссе об обращении к Рабочему народу. Очень они огорчены. Явно они загипнотизиров[аны], верующие в теорию, не выдерживающую критики».[2679] Кроме брошюры Поссе, Толстой получил тогда же статью В. Д. Бонч-Бруевича «Среди сектантов» (в лондонском журнале «Жизнь», 1902, № 6, стр. 250—270), где тоже были возражения на статью Толстого. Толстой писал по этому поводу И. М. Трегубову 19 марта 1903 г.: «Отвечать ни на статью Поссе, ни на эту, разумеется, не стоит, но иметь в виду их заблуждения очень полезно».[2680] Отчасти под впечатлением этих статей Толстой продолжал писать свое «Послесловие». 29 апреля 1903 г. в Дневнике записано: «За это время всё пишу о послесловии. Кажется, хочется думать, что кончил».[2681] 13 мая послесловие было послано Черткову, а 29 мая и 1 июня были посланы добавления к нему.

Первоначальные редакции «Послесловия» были очень короткими, но впоследствии текст статьи все увеличивался. Один из первых вариантов статьи, датированный 10 февраля (рукопись № 3), занимает всего 10 рукописных страниц; редакция статьи, датированная 30 апреля, занимает уже более 50 страниц и носит заглавие: «Послесловие к статье «К рабочему народу» и обращение к государственным и революционерам». Заглавие «К политическим деятелям» появилось только в корректуре.

Статья «К политическим деятелям» была напечатана впервые в Англии: Л. Н. Толстой, «К политическим деятелям», издание «Свободного слова», № 85. V. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England, 1903». Редакция сделала в этом издании пояснительные примечания к некоторым словам и выражениям.

Комментарий И.Петровицкой

В статье «К политическим деятелям» Толстой-публицист обращается «к тем людям, которые искренно, не на словах, а на деле, желают служить ближнему». В эпиграфе: «Самая губительная ошибка, которая когда-либо сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной» он предпослал мысль Шелли (на англ. и русском языке). И в своем обращении Толстой предостерегает от заблуждений, от ложного пути общественной деятельности.

Толстой-публицист прямо и открыто заявлял, что «правительства захватили в свои руки не только огромные богатства, собираемые ими с народа, не только дисциплинированное, искусно набираемое войско, но и, – писал он, – все духовные средства воздействия на массы – руководство прессой, религиозным направлением и, главное, воспитанием».

Он призывал политических деятелей не участвовать в деятельности правительства.

Статья была задумана Толстым как послесловие к его обращению «К рабочему народу», но в процессе работы в январе-мае 1903 г. послесловие разрослось в самостоятельную статью. Как и прежде, главная мысль ее состоит в убеждении, что не может быть политических и социальных преобразований без изменения внутренней, духовной сущности людей, что

единственное средство для улучшения общественного устройства – это следование евангельским заповедям.

Но, как и ряд других обращений писателя в годы предреволюционного подъема, статья была вновь воспринята обществом как утопия.

В кратком вступлении к небольшим 7 главам, составляющим статью, Толстой объясняет причину, по которой ему «захотелось сказать еще несколько слов»: «Это предлагаемое мною средство вызвало, как я и ожидал, одно и то же суждение, или скорее осуждение, от людей самых противоположных направлений» и твердящих: «Утопия, непрактично».

В ответ Толстой решил еще раз объяснить, почему он считает, что «мысль эта не так непрактична, как это кажется, а, напротив, заслуживает того, чтобы на нее было обращено более внимания, чем на все другие предлагаемые учеными людьми средства для улучшения общественного устройства».

Он убежден «в той самой простой, всем понятной и неопровержимой истине, что для того, чтобы была добрая жизнь между людьми, нужно, чтобы люди были добрые».

Впервые напечатана в 1903 г. в издании «Свободного слова» В. Г. Черткова в Англии.

ПСС, т. 35.

Версия #2

Зверобой создал 28 марта 2025 18:52:30

Зверобой обновил 29 марта 2025 10:47:05